

языка, она открывает новые пути постижения языка в его целостности.

Постовалова В. И., Шрейдер Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 7.

Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. /Под ред. Мельничука А. С. Киев: Наукова думка, 1986. 286 с.

Размах сопоставительных исследований самого разного типа, характерный для современной лингвистики, в значительной степени компенсировал былую диспропорцию между традиционным сравнительно-историческим методом и типологией. Вместе с тем такая компенсация шла по линии разработки прежде всего синхронического аспекта сопоставления. Единство синхронического и исторического подходов, характерное для лингвистической типологии начала XIX в. — времени ее зарождения, — к сожалению, дифференцировалось преимущественно в первом направлении. Конечно, отдельные работы по типологии близкородственных языков появлялись и прежде, однако лишь в последние два десятилетия начинают разрабатываться (причем в основном советскими языковедами) принципы исторической типологии, методологически отличные от принципов типологии синхронической.

Немало в этом направлении сделано украинскими учеными, особенно сотрудниками Института языковедения АН УССР, где ведется фронтальное сопоставление славянских и неславянских языков на самых различных уровнях, составляются многочисленные двуязычные словари и большой этимологический словарь украинского языка, вырабатываются теоретические концепции сопоставительных исследований. Не случайно поэтому, что первая попытка монографического обобщения принципов исторической типологии — рецензируемая книга — написана именно коллективом исследователей этого Института. Распределение труда при написании книги отражает научные интересы и многолетний опыт ее авторов: В. Т. Коломиец написана глава «Фонетика», раздел «Фонематика», часть раздела «Просодика»; разделы «Имя существительное» и «Имя прилагательное» в главе «Словообразование», Т. Г. Линник — глава «Лексика», Т. Б. Лукиной — раздел «Имя числительное». А. С. Мельничуком глава «Введение. Основные направления типологических исследований» и два подраздела «Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи» в разделе «Глагол», Г. П. Пивторак часть раздела «Глагол», В. Г. Склад-

ренко часть раздела «Просодика», посвященные ударению и интонации, В. А. Ткаченко раздел «Наречие», О. Б. Ткаченко глава «Фразеология».

Известно, что коллективные монографии нередко оказываются «полиграфиями» из-за того, что каждый автор поневоле запечатлевает в ней свою научную индивидуальность. Этого не происходит лишь тогда, когда коллективное исследование с самого начала проводится на базе единой и цельной концепции, по единому и продуманному плану. Именно таким исследованием и является рецензируемая монография. Здесь во всем чувствуется провицательный взгляд и твердая рука ее редактора — А. С. Мельничука.

Во Введении А. С. Мельничук дает компактный обзор основных направлений типологических исследований, подчеркивая центральную позицию лингвистической типологии в общей системе языкознания. Концептуальный лейтмотив книги — мысль о противопоставленности историко-типологического сопоставления синхронно-типологическому, при акцентровке промежуточного положения первого. «Историческая типология близкородственных языков предлагаемого характера», — подчеркивает А. С. Мельничук, — представляет собой особое направление в изучении языка, промежуточное между общей типологией языков и сравнительно-историческим языкознанием. Развиваясь на стыке этих двух направлений лингвистического исследования, историческая типология родственных языков выступает как результат их методологической интеграции; от общей типологии она заимствует метод сопоставления структурно соответствующих фактов разных языков, от сравнительно-исторического языкознания — историко-генетическое освещение сопоставляемых фактов» (с. 18). Такой подход позволяет соединить каждую конкретную типологическую характеристику с ее диахроническим толкованием и тем самым наполнить типологию родственных языков историческим содержанием, максимально освещая исторические судьбы формирования того или иного типа родственных языков во всех его инвариантах или вариантах.

Понятно, что такой подход возможен

лишь при типологическом сопоставлении близкородственных языков. Именно такое сопоставление показывает, однако, что при всей их генетической близости типологические различия между ними оказываются весьма значительными. В славянских языках это касается особенно фонетики и словоизменения, в меньшей степени — лексики и фразеологии, еще меньше словообразовательных и синтаксических явлений. Этот, на первый взгляд противоречащий общепринятому положению о мобильности лексики вывод А. С. Мельничук аргументирует объективным разграничением темпов или частоты изменений от понятия их типологических результатов (с. 10). В соответствующих главах книги предложенная концепция последовательно обосновывается.

Основным аргументом для авторов является обильный конкретный материал 11 славянских языков, исследуемых в сопоставительном спектре. Нередки апелляции к общеславянскому и индоевропейскому фону, весьма широко (особенно в лексической части) интерпретируются заимствования из неславянских языков. В отличие от сравнительно-исторических исследований в данной монографии широко представлен и самый современный материал: например, отмечается заметный рост средней длины слов в современных славянских литературных языках вследствие образования новых сложных слов и западноевропейских заимствований (с. 42) или приводятся лексемы типа русск. *супермодный*, укр. *суперчасний*, серб.-хорв. *супермодан* (с. 89). И в конкретно-материальной фактуре, следовательно, проявляется тот промежуточный характер новой типологической дисциплины, который манифестируется авторами.

В монографии впервые в славянском языкознании дано последовательно типологическое описание славянских литературных языков на фонетическом, словообразовательном и лексико-фразеологическом уровнях, причем с указанием исторического фона каждого типологического признака. Схема каждого раздела едина: вначале анализируются типологические признаки, общие для всех славянских языков, а затем приводятся типологические расхождения между различными подгруппами славянских языков и отдельными языками.

Особо удачным в работе кажется симбиоз типологического сопоставления с сопоставлением ареальным. Ареальная картина каждого явления практически никогда не выпускается из виду авторами, что позволяет показать исключительно пеструю географическую сетку сходжений и расхождений славянских языков. Эта картина коренным образом отличается от привычного традиционного членения славян-

ского языкового мира на три группы — восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую. Это и понятно: диалектные скрепления, миграции, взаимодействия с иноязычными системами изначально размывали границы троичного деления Славии. Этимологи и диалектологи давно уже показывали его условность (Ф. Безлай, О. Н. Трубачев, Н. И. Томстой и др.), но столь глобальная типологическая демонстрация ареального многоветвия славянских языков, пожалуй, дана впервые.

Важно при этом, что несмотря на сложность и запутанность ареальных нитей различных языковых явлений, они не сплетаются в некий гордиев узел: многие из них указывают пути генетического или историко-политического развития славянских языков. Очень четко, например, прослеживается одна из мощных изоглосс — восточнославянско-польская, которую на лексическом материале еще в 1955 году национал И. Леков. Авторы же подтверждают ее интенсивность фактами практически всех языковых уровней (ср. с. 29, 74, 94, 98, 136, 196, 207, 251). Любопытно, что здесь исконное, генетическое тяготение, подкрепленное общими историческими судьбами, «работает» в двух направлениях: известному воздействию польского языка на восточнославянские соответствует и обратная тенденция. Она видна, например, в факте заимствования польским языком этнического выражения *бить челом* (с. 251—252). Любопытны и многие другие лингво-географические пункты, вычерченные авторами: словено-западнославянские изоглоссы (с. 243), западнославянские-македонские (с. 44), украинско-белорусские (с. 75), или наблюдения о «необъединяемости» южнославянских языков в самостоятельную группу по словообразовательным изоглоссам (с. 98). Значение подобного рода выводов особо велико в свете одной из актуальных задач славистики — составления «Общеславянского лингвистического атласа».

Оправдана и осторожность при интерпретации столь противоречивых изоглоссных данных. Авторы не только не пытаются на их основе «подрубить под корень» традиционную классификацию славянских языков, осозная, что это — не их задача, но и скрупулезно оговаривают даже случаи возможной эзафиксированности того или иного явления (с. 137), которая могла бы скорректировать их наблюдения. Как кажется, от огульных интерпретаций (весьма соблазнительных при таком количестве конкретных фактов) исследователей уберегает последовательный историзм, внимание к хронологии и

диалектика сопряжения генетического и типологического подходов.

Помимо общих достоинств этого коллективного труда необходимо отметить ряд удачных разработок конкретных «уровневых» явлений. В главе «Фонетика» такой разработкой является количественная характеристика типологических различий между славянскими языками. Оказывается, в частности, что из всех славянских языков общее количество фонем одинаково лишь в русском и словацком (по 41) и в словенском, чешском и сербохорватском языках (по 35), а распределение этих языков по количеству фонем (в порядке их убывания) таково: украинский — 47, болгарский — 45, польский — 44, русский — 41, словацкий — 41, белорусский — 40, верхнелужицкий — 39, чешский, сербохорватский и словенский — 35, македонский — 31 (с. 34—35).

Аналогичная статистика приводится и в самой объемистой главе «Словообразование» (с. 46—192). Так, к числу типологических показателей авторы относят и общее количество свойственных каждому отдельному языку словообразовательных признаков. В книге дана классификация с этой точки зрения славянских языков в порядке убывающего количества отсутствующих в них признаков словообразования имен существительных, в которой на первом месте оказывается македонский язык (19 отсутствующих признаков), а на последнем — русский (всего 3 признака) (с. 76).

Важно, что словообразовательный анализ семантичен (с. 52, 159 и др.), хотя далеко не везде в этой главе значение соответствующих аффиксов и лексем очерчено четко. Иногда авторы проявляют здесь и излишнее доверие к своим предшественникам. Таково объяснение (правда, достаточно осторожное) укр. и белорусск. наречия *дармо* и под. под влиянием чешских наречий на *-то* (с. 134), что сомнительно при анализе диалектных восточнославянских вариаций такого типа наречий¹ [1]; или переоценка греческого влияния на образование сложных имен существительных в восточнославянском и болгарском языках (с. 63); оно могло стимулироваться процессом конденсации и другими внутриязыковыми факторами [2].

Немало удачных наблюдений и в главе о лексическом составе славянских языков (с. 193—243). Автор здесь творчески применяет классификацию А. Е. Супруна, демонстрируя на общеславянском фоне степеней сходства и различия отдельных тематических групп лексики. Единство современных славянских языков в области лексики верно объясняется совокупностью объективных фак-

торов: устойчивостью общего праславянского фонда (наличие которой обосновывается статистически); использованием одинаковых морфологических средств; непрерывной традицией взаимовлияний литературных языков; наличием общих источников заимствований (с. 199). Внимателен автор этой главы и к такому важному словообразовательному моменту, как семантическая конденсация, ставшая в последние 20 лет инструментом измерения типологических сходств и различий славянских языков. В спектре конденсации анализируется такая группа лексики, как названия языков (с. 213 и сл.). Анализируются здесь и другие группы — наименования видов мяса, названия предприятий, обозначения размера в славянских языках. При этом автор не просто регистрирует семантическую тождественность или расхождение, но учитывает и экстралингвистические моменты (см., например, с. 238) и даже в случае необходимости показывает функционально-стилистическую дифференциацию одинаковых по форме и значению лексем (с. 226).

Общий недочет этой главы — в том, что акцент сделан лишь на оппозиции «однословный способ наименования — составное наименование», весьма важный для лексики, но не единственно возможный. Мало использована теория и практика идеографического анализа лексики, не затронута проблема экспрессивных потенций слова, а они — эти проблемы — сейчас активно обсуждаются лексикологами. Идеографический принцип классификации лексики положен, как известно, в основу многих систем ее типологического изучения — в частности, лингвистический атлас Европы целиком строится на ней, а в упомянутом уже общеславянском атласе она занимает внушительную часть вопросника. Недоучитываются в этой главе и образования по модели (с. 220), в отдельных местах — ступки однообразного, однородного материала (с. 234), избыточного для демонстрации авторской мысли.

Глава «Фразеология» невелика по объему (с. 244—270), но проблемна по содержанию. Ее автор — О. Б. Ткаченко — продолжает в ней изыскания по анализу устойчивых формул славянских и неславянских языков [3]. Методика анализа весьма полезна особенно для описания интернационализма — не случайно объектом исследования являются этикетные формулы типа *будь здоров, с богом, день добрый*. Очерки о них написаны с привлечением большого конкретного материала индоевропейских и неиндоевропейских (особенно финно-угорских) языков. Такой подход пер-

спективен для определения контактных зон славянских языков и для установления фонда «европеизмов».

К сожалению, однако, за рамками этой главы осталась идиоматика славянских языков, которая составляет «золотой фонд» собственно фразеологии. Поэтому ареалы, намеченные О. Б. Ткаченко, тяготеют к интернациональным и мало отражают собственно славянскую, тем более — внутриславянскую специфику устойчивых словосочетаний. Жаль также, что сам термин «фразеологизм» употребляется автором весьма расширенно — даже в отношении слов типа *пожалуйста* (с. 258), *благодарю* (с. 266) или *караул!* (с. 269), что вряд ли правомерно.

Можно отметить и общие спорные или проблематичные положения или места книги. Переоценивается, как кажется, роль субстрата в славянских языках — особенно в фонетических системах (с. 32, 39, 45, 40). Не всегда при анализе заимствований учитывается язык-посредник — например, немецкий для освоения галлицизмов в чешском (с. 58). Обилие материала, которое является, как уже подчеркивалось, достоинством монографии, оборачивается в некоторых ее частях подачей ее списком, «навалом» (с. 49). При сопоставлении чаще всего подаются разные наборы лексем, хотя вполне возможны наборы почти тождественные — это бы сэкономило место (ср. с. 56, 57, 59, 62, 77, 138, 139, 150). Лишь в разделе о числительных видна четкая тематическая однородность сопоставляемого материала (с. 104). Неоднотипно обращаются авторы и с переводом приводимых славянских фактов — то дают его, то нет (ср. с. 55, 56, 57, 59, 68, 230). Не учтена и отдельная литература, прямо относящаяся к проблеме, — например, фундаментальная статья об именах существительных с суф. *-dl-(-l-)* [4] при рассмотрении его на с. 55 или новаторская работа Ш. В. Хайрова [5] при анализе славянских составных наименований (с. 213 и сл.). Можно, конечно, найти

и мелкие огрехи типа опечаток в чеш. *malo* вм. *málo* (с. 123) или *donest* вм. *donést* (с. 145). Ясно, однако, что это — мелкие придирки к крупной работе.

«Историческая типология славянских языков» — фундаментальный вклад в сопоставительную лингвистику. Несомненно, что этот труд значительно оживит славистические исследования в этом направлении, откроет новые перспективы в синкретичном рассмотрении языковых фактов как с синхронических, так и с диахронических позиций. Книгу прочтут не только научные работники и преподаватели вузов, но и студенты-слависты и студенты-русисты, в программу обучения которых входит курс сравнительной грамматики славянских языков. Остается только пожалеть, что тираж книги весьма невелик — всего 1800 экземпляров, и пожелать ее авторам не только завершить и опубликовать второй том этого нужного труда, но и переиздать том рецензируемый.

Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанова О. А. Об одном непродуктивном типе наречий в русском языке // Исследования по грамматике русского языка. Вып. V. Л., 1973. С. 197—206.
2. Кошелев А. Р. Одна синтаксическо-морфологическая модель в славянских языках // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1964. Т. 58. № 2.
3. Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
4. Кондрашов Н. А. Имена существительные с суффиксом *-dl-/-l-* в славянских языках // *Sborník pedagogické fakulty Univerzity Karlovy. Filologické studie*. 1975. VI.
5. Хайров Ш. В. Аналитические предикативные выражения в славянских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.

Теория грамматического значения и аспектологические исследования /Отв. ред. Бондарко А. В. Л.: Наука, 1984. 281 с.

Аспектологическая проблематика постоянно находится в центре внимания грамматистов. Конечно, особое внимание ей уделили слависты: в славянских языках вид является грамматической категорией, обязательной для глагола

в целом. Однако и исследователи тех языков, которые не обладают такой категорией, описывают аспектуальные значения и средства их выражения в этих языках. Рецензируемая монография построена преимущественно на не-